

*Культурное наследие России и современный мир***АКТИВИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
КОНТАКТОВ В XVI-XVIII ВЕКАХ И ИХ
ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ БЕЛГОРОДЧИНЫ**

Дудка А.И.

*Белгородский государственный университет,
Белгород*

Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, писавшие об усилиях государства по защите южных рубежей, заложили основы систематического изучения проблем этноистории и этнокультуры Днепро-Донского междуречья, значительная часть территории которого сегодня входит в состав Белгородской области⁴

В XV веке Русское государство получило независимость, ускорилось экономическое и социальное развитие, укрепилось самосознание русского народа, а распространение единого языка и письменности создало лучшие возможности для развития культуры. Однако известная удаленность территории нынешней Белгородчины от нового центра наложила свой отпечаток на характер развития края, и на фоне усилившейся централизации управления с XVI века весьма заметным стало стремление московских правителей к славянизации населения окраин, в положении которых оказались южные лесостепные и степные области. Белгородский ученый А.И. Папков, исследовавший отношения в порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой, считает, что «интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями», и отмечает особую заинтересованность и роль государства в процессе⁵.

Документы царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. свидетельствуют, что с XVI века Днепро-Донская лесостепь стала ареной борьбы между Русским государством, Крымским ханством и Речью Посполитой⁶. Подобное развитие событий обусловило вооруженный характер борьбы за влияние и препятствовало развитию доверия и взаимопомощи между различными группами переселенцев, при этом этническая составляющая оказалась вторичной в процессе колонизации⁷.

Русскими переселенцами Днепро-Донское междуречье стало активно осваиваться в XVI-XVII веках. Поток правительственной колонизации был достаточно многочисленным и активным, его дополнял не менее интенсивный поток свободных поселенцев (крестьян, ремесленников, служилых людей), который Москва контролировала и поддерживала⁸.

Многочисленной частью населения края стали выходцы из центральных и северных областей страны, принадлежавшие к различным категориям крестьянства (государственным, помещичьим и монастырским). Каждая из групп обладала особым социальным статусом и культурно-историческим опытом (хозяйственным, бытовым и прочим), а внутри каждой их них выделялись более мелкие группы: к примеру, монастырские крестьяне подразделялись на «саян», «горюнов», «цуканов» и «мамонов». Несмотря на то, что все крестьяне оказались в одинаковых условиях, именно первоначальная специфика предопределила долго сохранявшиеся различия в их хозяйственно-культурной жизни.

Русские воеводы, которым была поручена охрана южных рубежей государства, на пограничной службе иногда использовали украинцев, получая от них сведения о приближении татарских отрядов. Сотрудничество с украинцами сначала не удовлетворяло московского царя, поскольку казаки плохо несли службу, поэтому власти не доверяли им, подозревая в разбое и предательстве⁹. С конца XVI века, когда поток переселенцев увеличился и многие из прибывших приняли подданство Русского государства, правительство стало издавать «грамоты», в которых оговаривались права и обязанности новых граждан - в основном они зачислялись на военную службу за жалование и земельный надел¹⁰.

Со второй половины XVII века на южных окраинах Русского государства начала формироваться новая область – Слободская Украина (Слобожанщина), основу которой составили земли Поля. Сюда стали активно проникать переселенцы из областей, подвластных Речи Посполитой. Результатом стал своеобразный компромисс: казакам-черкасам разрешили селиться на территории, которая считалась российской, при условии принятия ими московского подданства и согласия нести службу на южнорусских границах.

Царское правительство, заинтересованное в укреплении южных границ Русского государства, стимулировало миграции украинцев. На протяжении XVII-XVIII веков в верховьях Ворсклы, Северского Донца, в бассейне рек Нежеголь и Оскол возникло много украинских поселений¹¹. Известно, что в 1670-х годах свободные земли в бассейне Ворсклы принадлежали митрополиту Белгородскому и Обоянскому. Эту местность заселили украинцы, выходцы из Правобережной Украины, Жаботина, Белой Церкви, Гадяча, Умани и Корсуни. Они основали слободу Грайвороны. Немало поселенцев было и из украинских полков Слобожанщины - из Сум, Недрыгайлова, Ахтырки, Лебедина, Ворожбы, Суджи, Богодухова – селившихся рядом с русскими служилыми людьми, на-

⁴ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. - Калуга, 1993, с.296; см.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн.4-5. - М., 1994, 1995.

⁵ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород, 2004, с. 68-69.

⁶ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. – М., 1960.

⁷ Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Т. II. – Харьков, 1890.

⁸ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. - М., 1909.

⁹ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород, 2004, с. 99.

¹⁰ Мышко Д.И. Экономические, политические и культурные связи между Украиной и Россией в XV – первой половине XVII в. // Великая дружба. – Ереван, 1954, с. 55-85.

¹¹ Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Описание кустарной промышленности по отдельным уездам. Выпуск 1.- Курск: 1904.

пример, выходцами и из русского Смоленска. В конце XVII – начале XVIII века появились украинские селения на юго-востоке края – в бассейне рек Валуга (совр. Валуйский район) и Айдара (совр. Ровенской район)¹².

Попытки центральной администрации переселить украинских беженцев вглубь страны, чтобы избежать конфликта с Речью Посполитой, не увенчались успехом. Недовольные централизаторской политикой украинцы часто самовольно оставляли службу, без предупреждения властей меняли места жительства на территории края или возвращались домой. Со своей стороны, власти сначала запретили украинцам заниматься промыслами на белгородских землях без присяги на верность московскому царю и перехода в русское подданство. Но, осознав непродуманность такого решения, правительство вскоре отменило его, однако, не имея возможности воспрепятствовать переселению украинцев в южные районы государства, царские власти решили использовать их для освоения южнорусских территорий¹³.

Спорные вопросы удалось разрешить в 1647 году, когда после переговоров было проведено размежевание и установлена граница между Московским государством и Речью Посполитой. После воссоединения в 1654 году Украины с Россией переселение на восток усилилось. Во второй половине XVII века украинцы постепенно освоили сначала междуречье Северского Донца и Оскола, позже – район между Осколом и Доном, составив значительную часть населения края¹⁴.

В итоге Московское государство обрело союзника в борьбе с монголо-татарской и польско-литовской опасностью, смогло отгеснить конкурентов и закрепить за собой Днепро-Донскую лесостепь, и воспрепятствовать распространению как монголо-татарского, так и польско-литовского влияния.

В столкновении разных колонизационных потоков преимущество оказалось на стороне русского, имевшего государственную поддержку. Украинская же колонизация была стихийным процессом, которому не препятствовали польские землевладельцы, надеявшиеся таким путем распространить собственное влияние. Со своей стороны украинские казаки-черкасы мечтали в этих приграничных землях обрести личную свободу и улучшить свое экономическое положение. На новом месте они занимались в основном промыслами.

Наряду с русской и украинской шла белорусская колонизация южнорусских степей. Религиозные преследования и экономическое угнетение заставляли бежать из Речи Посполитой белорусов-«прочан». Они расселились на территории нынешних Вейделевского, Валуйского, Волоконовского, Чернянского и Красногвардейского районов Белгородской области (доказа-

тельством их белорусских корней служат мотивы и колорит вышивки народных костюмов, выполненной красно-черными нитями)¹⁵.

Для защиты местного населения, а также для утверждения своей власти на приобретенных территориях в 1635 году началось строительство оборонительной линии с центром в городе Белгороде, сыгравшей важную роль в колонизации Слобожанщины. Она включила в себя двадцать пять городов-крепостей, десять из которых находились на территории края: Белгород (1593 г.), Усерд (1637 г.), Яблонов (1637 г.), Короча (1638 г.), Хотмыжск (1640 г.), Карпов (1646 г.), Болхолец (1646 г.), Нежегольск (1654 г.), Новый Оскол (1647 г.) и Верхососенск (1647 г.)¹⁶.

Одновременно с закладкой городов шла постройка пригородных казачьих, пушкарских, стрелецких слобод. Вместе с городами они превратились в центры развития ремесла и торговли и сыграли важную роль в формировании комплекса традиционных хозяйственно-культурных отношений. С сооружением восьмисоткилометровой Белгородской Засечной черты южные окраины страны стали интенсивно заселяться, процессы этнокультурного взаимодействия заметно активизировались.

По распоряжению царского правительства рядом с крестьянами и другим простым людом на новых землях стали селить мелких служилых дворян, которых позднее стали называть «однодворцами». Их образ жизни, занятия и быт имели свои отличия, что привело к культурному обособлению этой группы от местного южнорусского крестьянского населения вплоть до XIX века¹⁷.

Таким образом, основой этнического состава Белгородского края стали потомки славян, осваивавших и облагораживавших земли. Все последующие переселенцы лишь вносили некоторые дополнения в общую демографическую ситуацию края. Спецификой колонизации Днепро-Донского междуречья стало участие в ней различных национальных групп русского, украинского и белорусского населения. Это подтверждается сходством южнорусских говоров с украинскими и белорусскими, присутствием на карте края украинских и белорусских топонимов, а в обрядовой и бытовой культуре – множества элементов, имеющих как общеславянское, так и русское, украинское или белорусское происхождение¹⁸. При анализе особенностей данного рода, обращает на себя внимание преобладание русско-украинских элементов над русско-белорусскими¹⁹. Это имеет свое объяснение: контакты с украинцами носили более долговременный и регулярный характер, тогда как белорусы заметного

¹² См. Загорский В.П. Из истории городов на Белгородской черте //Из истории Воронежского края. Вып.2. - Воронеж, 1966, 18-29.

¹³ Дудка А.И. Этническая история и этническая культура Белгородчины. //Белгородоведение. /Под ред. Шаповалова В.А. - Белгород, 2002, с.20 –31.

¹⁴ Ярынец О.В. Города Воронежского края — опорные пункты заселения и хозяйственного освоения южнорусских уездов в XVII в. //История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. - Воронеж, 1991, с. 38-41.

¹⁵ Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. - Белгород, 2000.

¹⁶ Загорский В.П. Белгородская черта. - Воронеж, 1969.

¹⁷ Щуров В. М. Региональные традиции в русском музыкальном фольклоре //Музыкальная фольклористика. Вып. 3. - М., 1986, с. 21-22.

¹⁸ Ботова С.И., Приставкина Т.А., Рябчиков А.В. Рукотворная краса земли Белгородской. Учебно-методическое пособие. В 2-х ч. Ч.1. – Белгород, Упр. культ. адм-ции Белгородской обл. 2000. – 248 с.; Курский областной краеведческий музей. Д. 222. Отчет этнографической экспедиции Курского областного краеведческого музея за 1965 г.

¹⁹ Материалы отчетов студентов исторического факультета БелГУ об этнографической практике 2002-2004 гг.

воздействия на демографическую ситуацию в крае не оказали ввиду немногочисленности переселенцев и значительной удаленности белорусских территорий от Оскольско-Донецкого междуречья.

Таким образом, крестьяне, переселившиеся добровольно или по воле помещиков из срединных областей русского государства, «однодворцы» из мелких служилых дворян, посланные для охраны южных рубежей русских земель, а также украинские казаки-черкасы составили основную массу населения края в период вторичного заселения этого региона. Их неустанным трудом и творчеством создавалась традиционная культура края, испытывавшая влияния этнических групп, принявших участие во вторичной колонизации края, а преобладание русских и украинских элементов в хозяйственно-культурном комплексе Белгородчины было детерминировано динамикой этноисторического процесса в регионе в целом.

В XVII веке в основном закончились массовые переселения народов и сложилась этническая карта Белгородчины. Переписи населения уже не фиксируют появления многочисленных новых этнических групп²⁰. Культурное развитие края с этого времени пошло в русле общероссийского.

ДЕТСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС МОРДВЫ – ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИОВОЗРАСТНОГО СТАТУСА ВЛАДЕЛЬЦА

Корнишина Г.А.

*Мордовский государственный университет,
Саранск*

Одежда, кроме своего основного назначения - предохранять человека от воздействия внешней среды, имеет и множество других функций. Она носит ярко выраженный знаковый характер, являясь в частности признаком половозрастной и социальной принадлежности человека. Например, костюм детей и подростков был довольно скуден. По сравнению с одеждой других половозрастных групп он включал лишь самые необходимые элементы, которые отличались простотой кроя и декора (незначительное количество вышивки, малое число украшений).

У детей в возрасте до 3-х лет, как правило, был лишь комплект пеленок, 2-3 рубашечки и ряд головных уборов. Первую рубашку для ребенка обычно шили к крещению. Делали ее длинной, чтобы обеспечить ребенку долгую жизнь. В некоторых случаях рубашка играла и роль оберега. Так, если дети в семье часто умирали, то нужно было в один день спрясть нитки, выткать холст и сшить рубашку для младенца. С целью сохранения жизни новорожденного его также заворачивали в рубаху кого-то из старших членов семьи: деда, бабушки, отца. Обоснованием этого обычая являлось убеждение в том, поскольку этот человек жив и здравствует, то будет здоровым и благополучным ребенок. В середине XIX века, когда у мордвы еще были сильны языческие верования, родители

шли с новорожденным в священную рощу и там, расколов березу на две половинки, протаскивали через нее младенца в рубашке, которая в первый раз на него была надета. Рубашку затем оставляли в расколоте на дереве. Этим самым с ребенка как бы снимались все его болезни.

Костюмный комплекс детей трех-семи лет был более разнообразен. Мальчикам шили длинную - ниже колен - рубашку с прямым или боковым разрезом на груди, который застегивался на пуговицу. Ее носили навыпуск и подпоясывали сплетенным из ниток узким пояском. Штанишки делали без ширинок из подсиненной холщевины или ткани в клеточку и синюю полоску. Основу одежды маленьких девочек составляла длинная туникообразная рубаха без вышивки, подол которой украшался полоской красного тканья или фабричного ситца. Поверх нее надевался пестрядинный фартук, выполняющий в основном гигиеническую функцию. У мокшанок костюм дополнялся штанами их белого холста. Эрзянские девочки, как и взрослые женщины, штанов не носили.

Заметные перемены наблюдались в этой возрастной группе и в прическе, головных уборах. Мальчиков стригли наголо, а спереди оставляли клок волос - чуб. Специальный головной убор отсутствовал, малыши донашивали то, что оставалось от старших. Девочкам начинали заплетать косички, в которые вместо ленточек вплетали тесемки или обыкновенные тряпочки.

В подростковом возрасте, который наступал в 7-8 лет, дети начинали включаться в социально-трудовую жизнь общины, что находило отражение и в их внешнем облике, в частности подростковый костюм пополнялся новыми деталями. Мальчики-подростки носили длинные волосы, подстриженные «в кружок», «кружалку». Праздничным головным убором подростков, достигших 11-13 лет, становится покупной картуз из фабричной ткани с жестким лакированным или обтянутым тканью козырьком. Зимой же мальчики носили круглую шапку из домашнего сукна или овчины. Их праздничные рубахи начинали отделяться тканями полосками из красных хлопчатобумажных ниток или тонкими полосками вышивки.

Существенные перемены происходили и во внешнем облике девочек. Их одежда, особенно праздничная, становилась более нарядной. Подол выходной рубахи, а также ее рукава начинали украшать небольшой вышивкой, лентами или полосками фабричных тканей. У мордвы-эрзи Теньгушевского района девочки с 8-9 лет начинали носить легкую верхнюю одежду импанар - род халата из холста. Обязательным элементом девичьего костюма становится холщовый передник прямоугольной формы. В холодную погоду носили безрукавки и жилетки различной длины.

Костюмный комплекс девочек - подростков дополнялся и отдельными украшениями. Так, эрзянки начинали носить облегченные набедренники. Появляются также серьги, нагрудные украшения - застёжки - фибулы сюлгамы, бусы, гайтан, считающийся оберегом от всяческих несчастий. Иногда вместо гайдана на шею девочке надевали ленту с куриной косточкой, чтобы она научилась рано вставать. Носили

²⁰ См., напр., Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897. – Издание Центрального статистического комитета МВД (под редакцией Н.А. Тройницкого). - Курская губерния, 1904.